

Взгляд Му Шуаншуан на мгновение вспыхнул злобой:

— Не смей переводить тему! Ее кошелек только что был пустым, а теперь набит до отказа — наверняка она взяла вещи третьего двоюродного брата! Му Чэнчэн, если твоя совесть чиста, хватит ли у тебя смелости показать всем, что лежит у тебя в кошелек?

Она опустила глаза на собственное серебро и с тихим вздохом подумала: как же сложно зарабатывать деньги.

Му Гунчэн совершенно не боялась, что кто-то увидит ее кошелек, набитый серебром. В мире так много серебра, кто докажет, что она взяла именно то, что принадлежало Му Гуанцзуну?

Но стоило Му Гунчэн вспомнить, как внезапно переменилось отношение членов семьи Му, как слова, которыми она собиралась отмежеваться от происхождения денег, застряли в горле и тут же приняли совсем иной оборот:

— Это серебро вчера подарил мне Му Гуанцзун. Он решил, что раз мои родители умерли, мне приходится несладко, и захотел поддержать меня деньгами.

— Чушь! С какой стати третьему кузену одалживать тебе деньги? Твои родители — пустые транжиры...

— Му Шуаншуан! — внезапный окрик родного отца прервал Му Шуаншуан на полуслове, и она вздрогнула, резко приходя в себя.

Только что она чуть не ляпнула лишнего!

Му Гунчэн, разумеется, расслышала слова Му Шуаншуан и подумала: «Именно так я и предполагала». Прислонившись к стволу дерева, она прищурилась и смерила взглядом отца Му Шуаншуан — это был Третий дядя Му, младший дядя Му Чэнчэн.

Судя по воспоминаниям Му Гуанцзуна, когда тот расправился с родителями Му Чэнчэн, он в спешке вернулся в Бессмертную Секту с докладом, не успев даже упомянуть, что Му Чэнчэн случайно застала его за убийством. Судя по нынешней реакции клана Му, все они, похоже, прекрасно знали, что родители Му Чэнчэн погибли от рук Му Гуанцзуна, но при этом были уверены, будто сама Му Чэнчэн ни о чем не догадывается...

Вспомнив, как сваты, обивавленные ее порог последние пару дней, вскользь ссылались на то, что «старшие» члены семьи Му уже дали согласие на брак, Му Гунчэн мгновенно во всем разобралась.

Старший и третий дядья семьи Му не ограничились тем, что прибрали к рукам всё имущество второго дяди, так они еще и решили нажиться на замужестве Му Чэнчэн, выжав из второго дома семьи Му абсолютно всю пользу до последней капли...

Взгляд Му Гунчэн скользнул по каждому присутствующему, и, заметив тени неловкости, промелькнувшие на лицах этих сородичей, уголки ее губ изогнулись в насмешливой усмешке.

Похоже, имущество семьи Му Чэнчэн без куска никого не оставило.

— С чего это Му Гуанцзуну не могло прийти в голову прислать мне серебро? И что не так с моими «транжирами» родителями? Му Шуаншуан, продолжай же!

Заметив, что атмосфера накаляется, родной отец Му Шуаншуан торопливо выскочил вперед:

— Старший брат, сейчас самое главное — все-таки найти Гуанцзуна. Кто знает, может, его призывали бессмертные, и он просто срочно вернулся в секту!

— Нет... — Старший дядя Му дрожащими губами подобрал из травы обломок нефритовой пластины. — Эту пластину Гуанцзуну дали бессмертные, он очень дорожил ею и никогда не расставался! С Гуанцзуном явно стряслась беда! А раз Му Чэнчэн оказалась рядом с этой пластиной, ее дело тут напрямую замешано!

Старший дядя Му внезапно прокусил палец и уронил каплю крови на нефритовый знак.

Брови Му Гунчэн снова дернулись!

Нефритовая Табличка Судьбы — это артефакт, который она некогда создала для удобства учеников своей секты. Если кто-то из адептов погибал в чужих краях, активация таблички кровью кровного родственника позволяла в мельчайших деталях увидеть, через что этот человек прошел перед смертью.

Но ведь это была исключительная привилегия Секты Уван! На создание каждой такой таблички уходило колоссальное количество духовной энергии. Откуда у какого-то захудалого ученика Секты Журавля по имени Му Гуанцзун взялась подобная вещь?

Едва впитав кровь Старшего дяди Му, табличка в его руках внезапно полыхнула ослепительным синим светом. В мгновение ока сияние смягчилось, и в зависшем над землей лазурном мареве во всех подробностях отразилась сцена того, как Му Гунчэн превратила Му Гуанцзуна в кровавое месиво!

— До чего же жестокие методы! И посмеет же после этого отрицать, что она ведьма!

— Сжечь ее! Иначе беды не миновать никому из нас!

Среди всеобщего народного гнева лишь одна Му Гунчэн заметила, как Му Шуаншуан тихонько отступила назад и затерялась в толпе бушующих зевак.

Даже Третий дядя Му, родной отец Му Шуаншуан, не обратил внимания на внезапное исчезновение дочери. С лицом, полным глубокого разочарования, он уставился на Му Гунчэн:

— Чэнчэн, я и подумать не мог... никак не ожидал, что ты окажешься такой...

Посреди напускной праведности сородичей из клана Му Му Гунчэн вдруг издала совершенно безэмоциональный смешок:

— Ха.

Она подобрала с земли сухую ветку и от скуки принялась бездумно чертить ею по речному берегу, искоса бросая на собравшихся насмешливые взгляды:

— Какая благородная семья Му, какое сборище праведников! Даже моему бесстыдному младшему братишке до ваших физиономий далеко.

— Му Чэнчэн! Ты жестокосердна и коварна, убила родного кузена — как у тебя язык поворачивается говорить такое! Старший брат, даже если она была любимой дочерью второго брата, за столь чудовищное преступление ее нельзя прощать! — вновь выступил вперед Третий дядя Му. К этому моменту Му Гунчэн уже уяснила: этот ее младший дядя мастерски умел подгадывать момент, прячась за чужими спинами. Он вечно выскакивал в самый критический момент, чтобы покрасоваться и заработать авторитет, пока другие выполняли за него всю грязную работу.

Му Гунчэн с легким раздражением пару раз ткнула веткой влево-вправо о землю, после чего подняла взгляд на Третьего дядню Му:

— Раз уж ты у нас такой нежестокий, такой принципиальный и у тебя хватает совести заявлять подобное...

Она отбросила ветку в сторону, нахмурилась и с видимым возмущением произнесла:

— Так верни же всё золото, серебро и сокровища второго дяди, которые вы все здесь растащили! Своими глазами видели гибель сородича, а потом присвоили его деньги и еще рассуждаете о морали — у кого тут вообще есть совесть?!

Этот человек присвоил себе золото и драгоценности, которые изначально принадлежали Му Чэнчэн, а теперь могли стать ее собственными, — Му Гунчэн искренне презирала подобных людей.

Вспомнив ругань какой-то женщины, которую пару дней назад выставили за дверь, Му Гунчэн сочла ее слова на редкость меткими для описания этой публики. Недолго думая, она применила услышанное на практике:

— Гляжу я на вас, семейку Му, так ловко прибравших к рукам имущество второго дома: вы и грех на душу взяли, и табличку о праведности выставить норовите. Пожалуй, продажные девки из веселых домов честнее вас будут!

Третий дядя Му, мнивший себя утонченным ученым мужем, когда в жизни терпел подобные оскорбления?

— Дрянь, из уст которой льется одна грязь! Принесите огонь, сжечь ее заживо прямо здесь!

Родственники, страшившиеся Му Чэнчэн и желавшие поскорее покончить с этой страшной угрозой, мгновенно бросились по домам за лампадным маслом и кремнями. Они начали ведрами плескать масло на то место, где стояла Му Гунчэн, а чтобы она не вздумала прыгнуть в реку и затушить пламя, завалили горючим хворостом и весь прибрежный песок.

Старший дядя Му, воздев факел, в упор уставился на Му Гунчэн:

— Сжечь ее! Отомстить за моего сына Гуанцзуна! Очистить клан Му от скверны!

Все члены клана вооружились факелами и вслед за Старшим дядей Му принялись один за другим швырять их в сторону Му Гунчэн!

Десятки факелов прочертили в воздухе дуги, издали напоминая падающие звезды.

Падающие звезды сулили катастрофу.

Огромные языки пламени стремительно неслись к Му Гунчэн!

— Жечь! Сжечь ее!

— Издохни, проклятая ведьма!

— Больше нам не придется жить в страхе.

— Стоит ей умереть, и добро второго дома окончательно станет нашим!

Масло вспыхнуло мгновенно: языки пламени взметнулись до небес, пожирая политые горючим стволы деревьев вокруг. Глядя на зажатую в огненном кольце Му Гунчэн, у которой не осталось путей к отступлению, сородичи из клана Му видели в собственных глазах лишь отражение пляшущих искр — тех самых искр, что донага обнажали всю уродливую звериную алчность, затаившуюся в их душах.